Алексей Романов

ФИЛОСОФИЯ МЕЛКОГО ХУЛИГАНСТВА

*Философский спор, в сущности,
мало чем отличается от уличной склоки.*

Сосланд А.

*«Философия сквозь призму аттрактив-анализа.» //
Кто сегодня делает философию в России.*

т.1, М., 2007, С. 328

Философы дрались всегда. Может быть, чаще других. Диоген Лаэртский сообщает, что Сократ был часто бит как своей женой Ксантиппой, так и своими философскими оппонентами. При этом Сократ был известен как хороший гопплит, то есть отлично дрался в тяжелом вооружении и неоднократно отличался в боях на Пелопоннесской войне. Его первый ученик известен по кличке Платон, что значит «широкий». Тот же Диоген Лаэртский говорит, что прозвище это сын Аристон Аристокл получил из-за мощного телосложения, потому как занимался борьбой и весьма в этом преуспел, выступая даже на Олимпийский играх. Для киников-«собачников», последователей Диогена Синопского, драка была делом самым обыкновенным. Именно с помощью палки Антисфен посвятил Диогена в философы. Дрались ли эпикурейцы и стоики, из ранних источников неизвестно, но позднее Лукиан Самосатский живо нам изображает драку философов всех тогдашних самых известных направлений в диалоге «Лапифы, или Пир». В средние века дрались уже богословы-христиане. Самая знаменитая драка произошла на Эфесском Вселенском Соборе в 449 году, за что этот собор был прозван «разбойничьим». Отцы Церкви буквально таскали друг друга за бороды, которые к тому времени у греков Византии были редкостью. Это был первый «разбойничий» собор, но не единственный. За ним название «разбойничьих» получили и несколько последующих собраний высших иерархов по случаю уточнений основ вероучения. Впрочем, есть предание о том, что Николай Мирликийский (чудотворец) залепил Арию оплеуху еще на Первом Вселенском в Никее 325 года.

Из курьезов уже нашего времени вспомним еврея-австрийца Людвиг Витгенштейна, добровольцем отправившегося на фронт Первой мировой, чтобы застрелить своего учителя и оппонента англичанина Бертрана Рассела, знаменитого кембриджского математика и философа. Бертран Рассел, конечно, ни на какую войну не собирался, но зато когда его ученик Витгенштейн попал в плен, то попытался вытащить его оттуда вместе с сочиненным там же, в лагере для военнопленных, Логико-философским трактатом. Витгенштейн, впрочем, от услуг Рассела отказался.

Надеемся, читатель нас извинит за этот карикатурный историко-философский сюжет, продиктованной темой нашей заметки. Продолжает ли традицию этих старых добрых

философских потасовок и случай 16 ноября на Всемирном дне философии в Доме ученых в Москве, во время доклада Ю. Хабермаса? Декан философского факультета МГУ Владимир Васильевич Миронов получил по physiognomia (греч.) от своего же бывшего студента Юлиана Смирнова. То есть тот и другой философы. Далее. Повод для драки отнюдь не бытовой, а тоже вполне философский — как сообщают mass-media, этот самый Юлиан Смирнов давно известен, в том числе и своему бывшему декану, именно своими исключительно философскими скандалами. Наконец третья была, как то полагается согласно традиции, драка делом самой философии, тяжбой, так сказать, сторон о бытии?

Событийно для присутствующих этот агон предстал следующим образом. Примерно через полтора часа пустых официальных речей (слово «философия», звучавшее регулярно, в таком контексте казалось чужим до неприличия и напоминало разве былую марксоидную риторику) и во время скучнейшего выступления Хабермаса, рассуждавшего о ценностях демократии и человеческом достоинстве, случилось нечто вполне в духе жизнеописаний Диогена Лаэртского. Думаю, большинство слушателей парадных речей в конференц-зале второго этажа, в том числе и мы, философские делегаты из прибалтийской республики, отлично слышали чьи-то довольно продолжительные, чтобы не обратит на них внимания, и вместе с тем душераздирающие крики. Как в случае с Диогеном Синопским, отвлекавшим внимание от никчемных рассуждений то показывая слушателям соленую рыбу, то поедая волчьих бобы, едва ли мы одни в зале не испытали желание тотчас же просто выйти и посмотреть, что случилось. Затем уже внизу, возле толчеи у гардероба, оказавшийся рядом с вахтой здоровенный милиционер на вопросы о происшедшем отзывался как о мелком хулиганстве. Мелкое хулиганство оно пожалуй, только все же именно философское мелкое хулиганство. Согласитесь — из тысячи человек буквально наткнуться в пустом фойе на цель своих поисков! Само Провидение, не иначе, влекло г-на профессора навстречу своему оппоненту. А каким детерминизмом, г-да философы, это еще объяснить? Так сказать, бытовой случайностью? Как тут не вспомнить Берлиоза (кстати же, и сам Ю. Смирнов своего бывшего декана называл в mass-media не иначе как именно Берлиозом).

Но это еще не все. Философский характер виден и в апоретике (от апория, безвыходное положение) этого происшествия. С одной стороны, коль скоро заявления по форме от пострадавшего профессора не поступало, буян

из милиции был отпущен восвояси. С другой стороны, подобно Александру Андреевичу Чацкому, наш Юлиан был объявлен невменяемым психотиком, подлежащим заботе психиатров. В результате и ни милиции, ни психиатров. Как говорится, и в короб не идет, и из короба не лезет. Странные, сударь, однако нравы в этой России, на всякий случай сделаем такую нефилософскую реплику в сторону.

Отметим, что как потерпевший, так и ему сочувствующие (возможно, будущие жертвы такой философии), похоже, всерьез обижены и никакого философского отношения со своей стороны ко всей этой истории не выказывают, то есть свое собственное философствование не включают в причинный ряд происшедшего скандала. Тем самым они напоминают софистов, выдающих себя за хороших учителей-воспитателей и потом жалующихся на своих воспитанников, что те им мало платят, в нашем случае — нападают на своих наставников по причине соответствующего философского наставничества. Позволим себе предположить, что о каком бы связанным с философией скандале ни шла бы речь, это все-таки речь о самой философии. Философ он не только в своем деканате философ, но и в бане тоже, равно как и в остальных жизненных обстоятельствах. Философия это не макроэкономика и потому не может не иметь практического, то есть собственного жизнеустроительного смысла. А в чем же еще, как не из этих моих самых обыкновенных обстоятельств, вырастает мое философствование, в том числе и на лекциях с кафедры перед аудиторией? И разве обиды и сетования на вполне, как мы старались показать, традиционное философское происшествие не есть только неприятие критики твоей собственной философии хотя бы и в таком жанре? Как говаривал Александр Моисеевич Пятигорский, «философ, которому не нравится, что его критикуют — это дерьмо, а не философ». Тогда ты берлиоз или чиновник департамента иммиграции. Можно ведь, согласимся, быть приличным человеком и при этом берлиозом и чиновником, но уж философом никак или в вышеуказанном Пятигорским смысле. Вспомним знаменитый инцидент между Аристотелем и Платоном, когда Аристотель буквально вытолкнул своего учителя за пределы *reipatos* (место занятий) и целый месяц не давал тому вести занятия, пока не вернулся временно отсутствовавший другой ученик Платона Ксенократ и силой не вернул возможность учителю заниматься. Но кто возразит, и прежде всего сам Платон, что именно Аристотель был его самым талантливым учеником?

Но вот что говорит об упоминавшемся нами А.М. Пятигорском его ученик Арнис Редович: «Все жизненные неудобства для него были необходимым дополнительным стимулом мышления — без жизненных трудностей и их неудобства, как он говорил, «никто бы вообще ни о чем не думал и все бы превратились в свиней». Но лучше приведем случай из жизни самого Александра Моисеевича, рассказанный им самим при подготовке материалов к фильму «Сбежавший философ» режиссеру этого фильма Улдису Тирунсу. «Вот хотите, я приведу вам один пример? Ну, вам известно, что в моей жизни бывали неприятности, известно, да?...И вот я помню, что один мой друг, когда я оказался

практически бездомным, решил заинтересовать мною одного очень богатого человека. Это очень смешная история. Разумеется, я своё состояние переживал, действительно... И вот он стал беседовать обо мне со своим приятелем, солидным и небедным евреем. Ну не то, чтобы дико богатым, ну, там... по словам моего приятеля, поскольку именно с ним он хотел говорить о моём бездомном состоянии — у него не так уж много, но в Лондоне домов 30-40 было. Не Бог весть что, не Рокфеллер. И он очень осторожно к своему приятелю подъехал и говорит: «Понимаешь, такая ситуация, мой друг, еврей»... — это обязательно надо сказать, всё-таки еврей еврей по идее, может быть, вы слышали, да? — должен помогать. Я думаю, что нееврей это сильно преувеличивает, — «Слушай, ты не можешь разрешить ему пожить в одной из твоих квартир, которые ещё не сданы или не проданы?». Он сказал: «Категорически нет. Этот человек»... — он имел в виду меня, — «не является хорошим евреем». «Почему?». — «Потому что хороший еврей в таком положении не окажется. Значит, он плохой еврей и наверное плохой человек, которого (в подтексте) Бог справедливо наказывает». Разумеется, моя реакция была вульгарной реакцией объективного идиота. Я говорил своему другу: «Нет, Тюдор, старик, ну что ты... ну просто скупой жидяра да ещё и мораль, [...] читает!». Но, я помню, идя домой после этого, я стал думать, что, может быть, этот джентльмен, домовладелец, сам того не зная, помог мне найти или снова вернуться к другому углу зрения. А именно — вспомнить, что моё состояние бездомности и катастрофа — кто его произвёл? — я сам. С моим способом мышления. И тут есть над чем подумать, да?

— Это показалось вам смешным?

— Это сначала мне показалось смешным, потому что действительно смешно, правда? Жидяра, [...], да ещё морализирует, да? А потом я понял, что, с одной стороны, есть и такая точка зрения. Я должен её серьёзно рассмотреть — я же всё это произвёл, а не Джон Джонсон и не Абраша Абрамсон... А именно Александр Моисеевич Пятигорский. Я же себе это приготовил. А раз это так, то надо это использовать теперь. И этот жидяра объективно помог мне своим отказом — что? — использовать, найти новый угол зрения: что может быть он в каком-то смысле прав. И я поэтому начал наш сегодняшний разговор с того, что человек, который хочет мыслить, часто оказывается в положении, нуждающимся в помощи».

В ситуации, взывающей к помощи обстоятельствами, в том числе и до скандала карикатурными, похоже, оказалась и российская философия, как она была представлена на Всемирном дне философии в Москве. В этом отношении этот скандал можно расценивать как единственное философское событие, неожиданное для благополучной и казенной скуки трехдневных философских торжеств.